

26.1.95.

88

СРЕДА

Журнал и сцена - 1995, - 26 янв. - 2 февр - 11

ЧЕТЫРЕ ПЛЮС ПЯТЬДЕСЯТ

Война сводила с людьми прежде далекими. Фронт быстро сокращал дистанцию. Он был рядовым солдатом, ездовым, у меня уже какие-то звездочки на погоне. Он ко мне обращался по званию, я к нему — по имени отчеству, испытывая уважение не просто к житейски более опытному человеку, пусть и малограмотному (он диктовал мне письма своей жене, следя лишь, чтоб не проскочила отсебятина). Я не встречал бойца более справедливого и надежного, убеждаясь: это совестливость сообщает ему чувство собственного достоинства без какого-либо подобострастия или заносчивости. Не забуду августовское утро сорок четвертого года, когда его раздавили гусеницы немецкого танка.

Его звали — Иван Денисович. Нет, фамилия не совпадала с героем солженицынского рассказа. Он был украинец, с Черниговщины — Носок. Носил усы в отличие от лагерника Шухова, меченного номером Щ-854.

Прочитав про эска Ивана Денисовича Шухова, про один день его лагерной жизни, удостоверился: при всех различиях армейские порядки убийственно напоминают гулаговские. В мое время, правда, еще «дедовщиной» не пахло, но мордобоем не пренебрегали и некоторые генералы; ходил и анекдот про взводного командира, который прикладом поднимал бойцов, приговаривая после каждого удара: «За Родину!», «За Сталина!», «За Родину!», «За Сталина!».

Рассказ, опубликованный Александром Солженицыным в 1962 году на страницах «Нового мира», открывал новую эпоху в литературе — эпоху явного преодоления запрета вступать в жизнь, не подлежащую художественному воссозданию. Само же разрешенное воссоздание ставилось под сомнение. Вспомним хотя бы беглый обмен мнениями относительно «Ивана Грозного» С. Эйзенштейна. Укор великому режиссеру, по моему, справедлив. Но это эпизодическое согласие не значит, будто я все понимал и принимал, как автор «Одного дня». Великая заслуга А. Солженицына — умение открывать заново и то, что представлялось тебе известным. По крайней мере, область, какую я предполагал в некотором отношении освоенной — армия, война — во многом обнажалась заново.

Уместно напомнить: Иван Денисович писался А. Солженицыным с подлинного солдата — сослуживца в пору Отечественной войны. Того Ивана Денисовича Богомилова, и эзиковскую его биографию писатель выстраивал, основываясь на собственном гулаговском опыте работы каменщиком. Остальные персонажи взяты из лагерного прошлого, сохранены их биографии. Переключка: лагерь — армия — не плод писательского воображения, но истинная взаимосвязь, обнаруженная автором. Обращая на нее читательское внимание, настоящие заметки выделяют лишь один из аспектов рассказа.

Армия истекала кровью с первых часов войны. Очарикополченцы — одна трехлинейка на стрелковое отделение — отражали натиск крупнопанкской брони, рва-

вшей к Москве. Вчерашние школьники, падая ранеными, звали маму. Свежеиспеченные лейтенанты неумело командовали батальонами. А опытные офицеры уровня капитана Буйновского, смельчаки-офицеры, не по начальской прихоти удостоенные Героя Советского Союза, ищачили в лагерях, возводили гулаговские Соцгородки, устилали своими костями таежные трассы, что вели в «светлое будущее».

Лагерь, подобно армии, сводил в единую общность людей настолько различных, что и представить себе их в одной бригаде (или роте) почти невозможно. Однако

Рядовой Иван Шухов (не верь, не бойся, не проси)

сводил, выявлял потаенную суть каждого. Тут-то и поднимался рядовой эск Иван Денисович Шухов. На нем, в первую голову на нем держалась эта общность, снаружи крепляемая армейской или лагерной дисциплиной. Он, мобилизованный на второй день войны, остав армии, она сильна его верностью родной земле, присяге, внутреннему долгу, не позволяющему отсидеться за чужой спиной, спасая собственную шкуру.

Таких солдат по бездарности, спесивой тупости бросали на убой, обрекали на заведомое окружение и плен. Но Шухов не останется в плену, через пару дней убежит, с такими же бедолагами будет бродить по лесам и болотам. Уцелеет, отыщет своих и откроется в радости: бежал, мол, из немецкого плена. Его природная прямота не согласуется с обиходной ложью и хитростью, правящими бал в тылу и на передовой.

Промолчи он про плен, вернули бы в строй. А так контрразведчики выбили у него признание: фашистский агент. И — колючая проволока, лесоповал. Вместе с другими такими же «изменниками». Сенька Клевшин трижды бежал из плена, в Бухенвальде состоял в подпольной организации, носил оружие, готовя восстание. Теперь он в эзиковской телогрейке с лагерным номером.

Ладно, плевать там в Кремле, на Лубянке хотели, кто прав, кто виноват. Но элементарная целесообразность,

почитаемая выше морали, казалось бы, диктовала: дай-те этим людям винтовки, автоматы, пустите в бой, глядишь, войну выиграем раньше, меньшей кровью. Но мысль о человеческой крови не приходила в кремлевско-лубянские головы, и уже потому не могла прийти в голову холуев-смершевцев, избивавших Ивана Денисовича. Они-то и подрывали без того разболтавшуюся государственную и военную машину. Знали лишь один способ ее укрепить — завинчивали гайки. Так, чтобы кровь сочилась.

Об этом-то и сказал Солженицын первым потрясающим рассказом. Не только об этом, разумеется.

Иван Денисович вкалывает не из страха перед воровскими зуботычинами (хотя и побаивается, конечно), но по душевной своей потребности. Природной склонности. В том его великая ценность. И для армии не в последнюю голову.

Как бы могла благоденствовать страна, какой могучей могла стать армия, получи Иван Денисович возможность применить свои золотые руки, разумно утолить ненасытную жажду труда! Только и эта мысль не приходила никому на ум. Никто не понимает, не разрешает тревогу Ивана Денисовича из-за того, что в послевоенном селе немногие вернувшиеся с фронта мужики откываются работать на ниве, предпочитая странный отхожий промысел — с помощью нехитрого трафарета изготавливают рыночные ковры. Иван Денисович догадывается: «прямую дорогу людям загородили, но люди не теряются: в обход идут и тем живы».

Нелишне напомнить также: рассказ задуман А. Солженицыным зимой 1950 — 51 годов. Без малого полвека назад родилась его мысль о кривых дорогах. Тех, что сейчас в особом почете.

Иван Денисович овладел лагерной премудростью — мог схитрить, словчить, кому-то услужить, выгадывая пайку. Но все это до определенной черты. Даже мысленно не манили его легкие деньги за сказочные ковры. «Для них развязность нужна, нахальство, милиции на лапу давать. Шухов же сорок лет землю топчет, уже зубов нет половины и на голове плешь, никому никогда не давал и не брал ни с кого, и в лагере не научился».

Измученный, полуголодный и полубольной, он будто оживает, охваченный азартом артельной работы.

Да, подневольный, рабский труд. США отказались покупать у нас консервированные крабы, прослышав, что консервы изготавливаются эсками. Все верно. Но в беспроектном, смрадном лагерном мире Иван Денисович обретал себя, самозабвенно отдаваясь этому труду. Именно он, а далеко не каждый из его сотоварищей. Потому-то и стал героем классического рассказа о трагедии человека. О трагедии армии в роковой час, по чьей-то злой воле лишившейся своего верного солдата.

Но злая воля и недомыслие не всегда олицетворялись лишь теми фигурами, какие привели Шухова за колючую проволоку. Бывало и по-иному. Об этом тоже придется сказать.

В. КАРДИН.

Солженицын А. И.